

КАЛЕНДАРЬ «ВМ»

Волшебник с острова Патмос

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
МАКСИМА ГОРЕЦКОГО

«СВОЙ МАТЕРИК СОЗДАВАЯ»

«Бывают произведения: все линии в них строго правильны, они прекрасны, но нас не привлекают. И другие: некий недостаток в них незначительный, но этот недостаток такой дорогой и великолепный, что магнитом притягивает». Не знал двадцатилетний Максим Горецкий, написав эти строки, что они могут послужить эпиграфом ко всему, что будет создано им!

— Все мы, критики, литературоведы, только начинаем оплачивать долг по отношению к этому замечательному писателю и его богатейшему литературному наследию, — рассказывает член-корреспондент АН БССР Александр Михайлович Адамович. — Каким видится оно с высоты нашего времени, точнее, какое место занимает Максим Горецкий в белорусском литературном процессе? Его имя в одном ряду с Купалой, Коласом, Богдановичем.

Немного времени подарила ему жизнь. Много осталось недоработанным, дошло к нам в виде записок, набросков к романам и повестям.

Но и то, что написано, стало открытием. Белорусская деревня на грани столетий. Бурлят, ищут своего выражения перемены в укладе сельской жизни, не осознанные еще народом. О них нужно было сказать. И впервые. Вот почему в каждом из рассказов Максима Горецкого мы найдем несколько «слов» — житейско-бытовых, лирических, публицистических, философских. Читая «Меланхолию», «В бане», «В панском лесу», «Страшную песню», «Красные розы», «Габриелевы посадки», «Виленских коммунаров», вспоминаешь многое близкое, что запомнилось из рассказов очевидцев той поры.

«У НЕГО ЖЕ ИСКАЛИ ЗАЩИТЫ...»

— Внешне, да и характером Максим вышел в отца: необычайно живой, горячий, впечатлительный. А исключительная доброта, терпеливость, сдержанность, рассудительность — от матери, — вспоминает его брат, Гавриил Иванович Горецкий, ныне известный белорусский ученый, академик АН БССР, лауреат Государственной премии СССР.

На рождественские каникулы (занимался он в землемерно-агрономическом училище в Горках) добирался домой в Малую Богатковку пешком или приезжал на санях, принося с собой веселье, радость и счастье всей семье. Собиралась в нашей хате деревенская молодежь. Максим часто сам водил хоровод, стоя впереди с chapelой в руках и постукивая ею о пол, запевал песни. И вообще был импровизатором, артистом-любителем, хорошо играл на скрипке, балалайке, жалейке, запоминал мелодии, народные песни, декламировал.

Всегда любил выдумывать, фантазировать.

Не многое знаем мы сегодня о Максиме Горецком — писателе и человеке. Каждый, кто берется за изучение его наследия, не может обойтись без архива, без помощи людей, которые преданно служат памяти замечательного белорусского писателя, а тем самым делу нашей культуры, — дочери Галины Максимовны, брата Гавриила Ивановича Горецких. Обратимся и мы к ним, а также к известному писателю Алесю Адамовичу, который в книге «Врата сокровищницы своей отворяю...» посвятил нас в новый, такой удивительный мир Горецкого.

Нам, младшим, рассказывал сказки, страшные истории, сочиненные им самим. Когда становилось страшно, мы у него же искали защиты от всего злого.

Очень любил маму, записывал ее песни, а позднее триста восемнадцать из них издал отдельной книгой. Расспрашивал ее подолгу обо всех родных, о всех семьях нашей Малой Богатковки, их истории, о временах крепостничества, казаках и помещичьих стражниках, столкновениях с ними, о революции 1905 года — уже тогда накапливал впечатления для «Комаровской хроники».

Максим понимал, что путь на Парнас труден и тернист.

«МНОГО ПРАВДЫ И ЛАСКИ ГОВОРИЛ ОН...»

Человеческий и писательский облик, жизненный путь Максима Горецкого имели яркое завершение и продолжение уже после его смерти (1939 г.) — в подвиге сына Леонида, советского офицера, погибшего в годы Великой Отечественной войны. Сегодня письма Горецкого-младшего — это наивысшая оценка Горецкого-старшего, его души, таланта, разума, совестливости и человечности!..

Словно повторяя отца, который тоже на 21-м году жизни (какое совпадение!) делал свои глубокие и правдивые записи о первой мировой войне, Леонид оставил нам свои строки о Великой Отечественной, сквозь их призму всматриваясь в дорогой образ отца.

Его дочь Галина Максимовна, ставшая впоследствии учительницей, ныне живущая в Ленинграде, вспоминает:

— Из Вильно, с войны, отец привез небольшой продолговатый сундучок с толстым дном, стенками и плоской крышкой. В нем до последних лет хранил свои рукописи, переписку, книжки и дневники сестры Ганны, дорожные ему вещи. А еще увлекался собиранием тканых поясов.

Людей уважал, хорошо относился ко всем, с кем доводилось жить, работать, встречаться. А с теми немногими, кто не нравился ему, никаких отношений не имел и не изменил этой черте своего характера до последних дней.

В последние годы жизни работал в Песочне учителем, читал лекции в клубе при чугунолитейном заводе и красноармейцам в военкомате, вел занятия по ликбезу, выполнял бесчисленное количество других школьных и общественных поручений. Но ни на минуту не забывал об острове Патмос — так называл он творчество.

Он обладал удивительным природным чутьем мастера, который видит глину еще в карьере, смотрит, растирает пальцами и чувствует уже и форму, и фактуру, и звук, и приятную тяжесть готовой художественной вещи...

Л. ЛОМСАДЗЕ.

(БЕЛТА).